

Уго Чавес Фриас

Я просто революционер

Ушел из жизни боливариец Уго Чавес Фриас, ушел непобежденным. Почти 14 лет он стоял у руля Венесуэлы, направляя ее к «социализму XXI века». О нем будет написано много книг, но сам он уже не скажет о себе ни слова. Поэтому мы предлагаем читателям фрагменты интервью с самым известным из венесуэльских президентов, взятого в 2004 г. кубинскими журналистами Росой Мириам Элисальде и Луисом Бэссом. Полностью оно было опубликовано на русском языке в книге «Наш Чавес», выпущенной Латиноамериканским культурным центром им. Симона Боливара в Москве в издательстве «Република» в переводе с испанского Аллы Зенькович.

Это были шесть часов беседы, которые пролетели под потолком из пальм, в маленьком дворике сбоку от президентского дворца.

Нас интересовали живые черты личности, выходящей за рамки обычных людей. Уго Чавес принял нас с бейсбольной битой в руках. «Это не простая бита, — сказал он лукаво. Пусть готовятся, потому что этой самой битой я нанесу удар 15 августа на референдуме. Как это я сказал Фиделю? «Присядь, Фидель, потому что мяч пролетит над Гаваной до самого Белого дома. А если увидишь, что у меня не получается, подтолкни меня».

ИГРАЯ С ГАБИ И РОСИНЕС

Вчера вечером я играл с Росинес, и я Вам сейчас покажу, что нарисовали она и моя внучка Габи. Сначала они сделали общий рисунок, потому что я учу их рисовать. Габи раскрасила корабль красным цветом, а Росинес тоже нарисовала красный корабль и красную шляпку, которая стоит на берегу. «Почему все красное?» — спросил я их. «Потому что мы живем в красное время», — ответили они. «А этот флаг?» — спросил я. Девочка ответила: «Ну, потому что я боливарийка и революционерка!». А Габи: «Я тоже боливарийка».

МАМА И ПАПА

Когда мой папа познакомился с моей мамой, он ездил на черном осле, продавая мясо. Эти рассказы я слушал еще ребенком. Папа был симпатичный, темнокожий парень, высокий, стройный, а мама была рыжая. Папе был 21 год, когда в 1953 г. родился Адан (старший брат У.Чавеса. — *Прим. ред.*), маме едва исполнилось 18 лет. Родители всю жизнь прожили вместе, а сколько моим старикам пришлось пережить!

Встреча Уго Чавеса на Ставрополье, июль 2006 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О САБАНЕТЕ*

— *Ваша тетя Хоакина Фриас вспоминала, что Ваша бабушка Роса Инес безутешно плакала, потому что у Вас не было обуви, чтобы пойти в школу.*

— *Ах! Старенькие альпаргаты, которые заставили плакать мою бабушку...*

Как мне было приятно прочитать о том, что сказала Флор Фигереди. Флор много времени проводила у нас дома, потому что была подругой моей мамы. Помню, что однажды мне поручили выступить с речью в честь первого епископа, которого назначили в Баринас. Я учился в шестом классе, и меня выбрали, чтобы сказать несколько слов в маленький микрофон. Флор Фигереди, такая красавица, меня поцеловала. Я был на седьмом небе. Я никогда не забуду, что она мне сказала: «Угито понравится произносить речи, посмотрите, как хорошо он это делает».

У моей бабушки — смесь негритянской и индейской крови. Моя мама — рыжеволосая и кокетливая, кокетливая. Я помню ее, когда мы шли посмотреть на прирученных быков во время октябрьских сельских праздников. Она была и остается очень, очень красивой. А мой папа очень благородный человек.

Когда я сидел в тюрьме Яре**, меня попросили написать пролог к одной книге о Саморе, о битве при Санта-Инес. Я это делал и вспоминал о временах моей учебы в школе Хулиана Пино и упомянул учительницу. Эхильда мне послала письмо в тюрьму, а потом вместе с мамой навестила меня в военном гос-

* Сабанета (штат Баринас). Там в семье учителей-метисов 28 июля 1954 г. родился Уго Чавес.

** После неудачного военного восстания 1992 г., которое возглавил У.Чавес. — *Прим. ред.*

питале, где меня оперировали. Я немедленно узнал учительницу благодаря ее прекрасным синим глазам, которые завораживали меня, когда я был ребенком.

ЛУИС РЕЙЕС РЕЙЕС

Будучи кадетами, мы встречались в Баринасе во время каникул и на праздновании Нового года. Луис приходил ко мне домой, а я к нему, чтобы поприветствовать стариков, его братьев и особенно негрityнку Вирхинию, его сестру, с которой мы иногда ходили на дискотеки.

Я очень люблю Луиса. Помню, как мы были мальчишками в Баринасе и играли в бейсбол. Хозяин магазина «Тодо» — так называлась команда, в которой играл Луис, — был арабом, который финансировал покупку футболок, кепок, перчаток... Этот араб ничего не понимал в бейсболе.

А команда, в которой играл я, называлась «Транспорте». Думаю, что это случилось единственный раз в истории Баринаса, когда они выиграли у нас в бейсбол. Араб устроил грандиозный праздник. Он даже приказал зарезать корову. Он был уверен, что они чемпионы, хотя Луис и его команда были на последнем месте.

АНА ДОМИНГЕС ДЕ ЛОМБАНО

Я познакомился с Аной, дочерью Майсанта, в 1979 г. В то время я жил в казармах и постоянно говорил о Майсанта, декламируя поэму об этом «партизане». Представь себе: «Тропой индейцев, по темной саванне, спасаясь от холода в дырявых домишках, движется революционный партизанский отряд». Один товарищ из моего выпуска прочел в газете «Эль Сигло» статью «Майсанта, партизанский генерал». «Посмотри, Чавес, что я достал».

Я уже проводил исследования. У меня было несколько ящиков, полных материалов: документы, записи, кассеты... Автор статьи, Ботельо, был региональным депутатом от штата Арагуа от Движения к социализму (Movimiento al Socialismo, MAS. — *Прим. ред.*). Он мне объяснил и нарисовал на бумажке, как пройти к дому дочери Майсанта, и я никогда не забуду об этом: найти площадь Боливара, пройти три квартала налево и по проспекту Сукре еще два квартала. Помню, что посреди двора растет дерево. С одним из сыновей Аны, великолепным боксером, мы пили пиво, пели песни, выходили прогуляться в поселок.

У Аны я забрал несколько реликвий. Отцом Майсанта был полковник Самора. Его звали Педро Перес Перес, он был индейцем.

Мы ездили также в Гуанаре, в городок, где каждая улица носит название поэмы Андреса Элоя Бланко. Улица Майсанта — короткая, там живут люди среднего класса... Там есть другое место, где я нашел моего двоюродного дедушку Педро, еще одного сына Майсанта.

Я постучал в дверь, вышел мальчик и позвал: «Дедушка, дедушка». Это был человек около 80 лет, очень высокий, почти два метра ростом, немного сгорбленный от возраста, рыжий. После того, как я столько читал о моем прадедушке и разглядывал его фотографию, у меня из души вырвался крик: «Майсанта!». Старик замер. Он признался мне, что едва помнил своего папу, и может быть, никогда его не видел. Когда Педро Перес Дельгадо ушел на войну в Апуре, этим детям было около четырех или пяти лет.

Я сделал все возможное, чтобы Ана и Педро встретились. Когда Ана увидела Педро, она заплакала. «Ах! Опять мой папа».

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Мы жили в домике из пальмового дерева, и когда шел дождь, домик сильно промокал. Нужно было подставлять тазики, потому что пол был земляной и превращался в жидкую грязь. Снаружи у домика был небольшой дворик напротив тоже земляной улицы. Под дождем там образовывалась лагуна, где мы играли в воде по колено. Адану однажды подарили велосипед. Он садился на него и проезжал посередине этой лагуны. Я ему говорил: «Слушай, у тебя водный велосипед». Мы устраивали нечто вроде соревнования, которое состояло в том, чтобы пересечь улицу на велосипеде, при этом нужно было добраться до противоположного конца улицы, не очень сильно намокнув. Конечно, как и любому ребенку, Адану не нравилось одалживать велосипед. Он давал его только мне.

Мы были очень бедными детьми, но очень счастливыми. Я бы все отдал, чтобы вернуться в то детство, хотя бы на минутку... Нет, этого было бы слишком мало: скажем, только на один день.

Дом был красивый, с очень просторной кухней, где бабушка постоянно работала. Задний двор был большой, и мне он казался целым миром. Там у бабушки было все, и там я научился ходить, познавать природу, деревья; как появляются сначала цветы, а потом фрукты. Я научился есть апельсины, ананасы, мальпигии — круглый, красный фрукт, как черешня, которого много на востоке страны. Там я узнал, что такое вишневое дерево, манго. Там росли огромные авокадо, мандарины, грейпфруты. Там я сажал кукурузу и узнал, что ее урожай собирают и хранят в зимнее время, и научился делать качапу (сладкая булочка из кукурузной муки. — *Прим. перев.*). Наш двор был местом грез. Целой Вселенной.

Я обожаю моих родителей, но должен признать, что воспитание Росы Инес было для меня очень важным. Жизнь рядом с ней была закалкой и обретением духовности. Она была сама любовь, сама доброта. Я не помню ни одного раза, когда бы Роса Инес была в ярости. Она была человеком с особым чувством юмора. Когда дом оставался пустым, и она приходила, то спрашивала, не обращая ни к кому: «Как дела, Мария Одиночество?». Роса Инес была первой, кто рассказал нам о федеральной войне и о генерале «Лицо с ножом» — так называли также Эзекиеля Самору. Ее мама рассказывала ей о том, как проскакали кони, о звуке рожков, о пыли, поднимаемой кавалерией, и о том, как кавалеристы приказывали резать кур, чтобы поесть. И о том, как войско расположилось у каморуко — огромного, очень древнего дерева, которое все еще стоит в Сабанете, а ему по меньшей мере 200 лет.

— *А Ваш дедушка, спутник Росы Инес?*

— Это правда, почти никто не говорит о нем. Если бы Вы знали, недавно, и впервые почти за 50 лет, отец сказал мне: «Мой папа был укротителем лошадей, негром». Его звали Хосе Рафаэль Сааведра. У него были земля и скот. Он ушел из поселка, оставив бабушку. Однажды я сказал моему брату: «Адан, мы не были знакомы со своими дедушками». Мы всегда росли среди бабушек. Одни бабушки, и только.

ИГРЫ РОСЫ ИНЕС

Я шутил с ней, а она — со мной; мы всегда придумывали какую-нибудь игру, будто оба были детьми. Когда я учился в средней школе, Адан, Роса и я жили в Баринасе, в маленьком домике, который она снимала. Я был без ума от бейсбола.

У нас был маленький радиоприемник на батарейках, и ей нравилось слушать «льянерас» (музыку равнин. — *Прим. перев.*): «Угито, поищи мне Энеаса Пердомо». Мне тоже всегда нравилось петь, но я пою не очень хорошо. Тем не менее ей нравилось слушать, как я пою «ранчерас» (народные песни. — *Прим. перев.*), и особенно какую-нибудь «льянеру».

«Вы сойдете с ума от этого бейсбола», — говорила мне Мама Роса. Я всегда играл в игру между командами «Каракас» против «Магеллана». Иногда один, а иногда с Аданом, но я ему поддавался.

Мне нравилось покупать изюм, который стоил полболивара, и я клал изюминки на стол. Я сам себе присуждал премию в игре этими изюминками. А когда действительно играли команды «Каракас» против «Магеллана», я слушал радио и записывал. А иногда, положив перед собой школьные учебники, пытался учить что-то перед экзаменом. И тогда моя старушка, которая, кстати, никогда не была старой, потому что умерла относительно молодой, в 69 лет, зная, что я болею за команду «Магеллан», проходила мимо меня и говорила: «А «Магеллан» получил ноль очков».

Роса Инес не хотела, чтобы я был военным. Однажды я застал ее за тем, что она ставила свечки святым: «Кому ты ставишь свечки, мама Роса?». «Я прошу святых, чтобы ты отказался от этого». (Я был кадетом.) «Но почему?». «Это опасно, и потом Вы, Угито, непокорный; однажды Вы можете ввязаться в какую-нибудь историю».

У ВСЕХ ДЕТЕЙ ЕСТЬ МЕЧТА

У всех детей есть мечта, а у меня была не одна, а две мечты. Первая родилась однажды в Новый год, когда папа подарил мне энциклопедию для самообразования «Кильет». Это были четыре больших, тяжелых тома с множеством рисунков и графиков. Я буквально проглотил их и начал путешествовать по миру по иллюстрациям и историям. Мой двоюродный брат Адриан мечтал быть тореро, а я мечтал стать художником. Благодаря тем книгам я начал рисовать и много лет спустя, когда учился в средней школе, окончил художественные курсы в Баринасе. Уроки мне давала одна очень красивая преподавательница, которая предупреждала нас: «Самое трудное — это нарисовать руки».

Другой моей большой мечтой был бейсбол. Моим идолом был Исайас Чавес «Кнут», из команды «Магеллан», парень из Чакао, но он не был из нашей семьи. Его так называли, потому что он бросал мяч так, будто у него в правой руке был кнут. Я никогда его не видел, потому что у нас не было телевидения, но я хорошо его себе представлял благодаря великолепному радиокомментатору Делио Амадо Леону.

16 марта 1969 г., в воскресенье, я встал немного позже обычного. Моя бабуля Роса готовила мне завтрак и включила радио, чтобы послушать музыку, и вдруг: «Срочно, последние новости», — и прозвучала новость, после которой я будто умер на минуту: разбился самолет, никто из пассажиров не выжил. Среди них был Чавес «Кнут». С тех пор мечта стать художником была полностью вытеснена мечтой стать бейсболистом.

БОЛЬ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОТЕРИ

— Адан рассказывал нам, что впервые он увидел, как Вы плачете от отчаяния и боли, когда умерла Роса Инес.

— Роса Инес умерла 2 января 1982 г. Я никогда не придавал особого значения Рождеству. Я предпочитал уехать на небольшую ферму моего папы и побыть с женой, детьми, бабушкой и родителями.

Иногда я останавливался у Адана. Я начинал читать, предпочитая это занятие, потому что в квартале появлялись друзья и пиво, их трудно было контролировать. Но в том декабре я сказал себе: «Нет, я остаюсь в доме мамы, с бабушкой».

Ей очень нравилось смотреть, как я мастерю для нее рождественские ясли. Она садилась рядом со мной и помогала: передавала мне предметы и подавала идеи. «Угито, а почему бы не положить это?». Но в тот день, когда она попрощалась со мной... — я никогда не забуду ее глаза, потому что видел их в последний раз: «Вы уже уходите, Угито?». Мы не называли друг друга на «ты», мы очень любили и уважали друг друга».

УЧИТЕЛЬ

...1 января. Эта дата для нас также имела большое значение, потому что отмечалось начало большого военного восстания 1958 г., которое возглавил Уго Трехо, старый полковник, настоящий лидер. В 1981 г. он был еще жив и оказывал большое влияние своими революционными выступлениями. Кроме того, он вдохновил группу военных, среди которых был генерал Хасинто Перес Аркай, его ученик, а также косвенно посеял в нас дух непокорности по отношению к тем проблемам, которые мы наблюдали в армии и в стране. Мне нравилось разговаривать с ним. Волосы у него уже были совсем седые, это был безупречный, исключительно порядочный человек, который говорил со мной о национальном проекте, о Боливаре, о том, как члены партии Демократическое действие (*Acción Democrática, AD.* — *Прим. ред.*) предали демократию, и о том, как его изгнали из вооруженных сил.

Однажды он дал мне старенькую папку и сказал: «Уго, это был наш проект «Интегральное венесуэльское националистическое движение». Я хочу, чтобы ты изучил его». Он говорил мне: «Уго, ты становишься зрелым человеком. Скоро будешь капитаном и сможешь стать лидером офицеров. Это звание очень важное, готовься стать хорошим командиром роты. Не поддавайся коррупции, это ключевой момент в твоей жизни». Трехо был Учителем. Он умер незадолго до победы в декабре 1998 г.*.

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Военная жизнь мне нравилась с детства. Когда я смотрю в прошлое, я вижу себя играющим в войну во дворе Мамы Росы. Сначала мы бросались миндальными орехами, а потом камнями. Однажды мы запустили камнем в моего младшего брата и разбили ему голову, и тогда игры в войну закончились.

Честно говоря, я хотел изучать физику и математику и, кроме того, быть профессиональным бейсболистом в команде «Магеллан».

В Баринасе университета не было. Папа сказал мне: «Ладно, поедem в Мери-ду поговорить с твоим двоюродным братом насчет места». Мы должны быть всю жизнь благодарны моим родителям за то, что смогли учиться, хотя были бедной семьей. Они всегда нас к этому стимулировали ценой тысяч жертв.

* Победа У.Чавеса на президентских выборах.

Один лейтенант из Форта Табакаре из Баринаса рассказал о военной академии всем ребятам пятого, выпускного класса школы. «Вот это мое, я еду в Каракас». Я думал, что потом смогу попросить увольнения и остаться в столице, полностью посвятив себя бейсболу.

Я вернулся в Баринас очень радостный, потому что я сдал экзамены в академию. Но меня завалили на заключительном школьном экзамене по химии. Я не учил химию, потому что она мне не нравилась. У нас был учитель, которого мы звали Ядовитый, и он не прощал никаких ошибок.

В академию с несданным экзаменом не принимали никого. Я знал об этом, однако отважился вернуться, потому что мне оставалось только пройти заключительное собеседование. На этом собеседовании я сказал, что завалил один предмет. «Есть только один шанс, — сказали мне, — это быть спортсменом. Вы занимаетесь каким-нибудь спортом?» Меня спас бейсбол!

ПИСЬМА

Я поступил в академию, дав обязательство учить химию и сдать экзамен в октябре. Помню, что раз в неделю мы должны были отправлять одно письмо. Это было обязанностью, но мне она нравилась. Я писал не только своей семье, но и половине света. «А этот, почему он передает столько писем?», — задавали там вопрос. Однажды один товарищ попросил меня, чтобы я написал письмо Руфо Бонету. «А это кто такой?». «Это собака у меня дома».

Первое письмо, которое я написал в академии через неделю после начала занятий, было Росе Инес. «Мама Роса, береги для меня Триби», — кота, которого моя бабушка мне подарила.

— *Вас в Сабанете называли Трибилин...* (в переводе с испанского в Венесуэле — непостоянный, переменчивый. — *Прим. перев.*).

— Это правда, и, возможно, поэтому моя бабушка назвала кота Трибилином. Так вот, я просил ее позаботиться о моем маленьком животном и добавлял, что сдал свой первый экзамен по винтовке «Fab» и получил 100 очков.

Я чувствовал себя, как рыба в воде, в военной академии, которая для меня и сегодня, и так будет всю жизнь, — святая обитель. Там мне было трудно, но я никогда не ощущал это тяжелой ношей.

Я ПОЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ СОЛДАТОМ С САМОГО НАЧАЛА

Когда я впервые надел синюю форму, я уже чувствовал себя солдатом. На церемонию посвящения в кадеты приехали папа, мама и Адан. Это произошло примерно через три месяца после поступления в академию. Когда мама увидела меня таким худым, она расплакалась: «Что с Вами сделали здесь, сынок?». Но я был счастлив. На этой церемонии нам всем, вновь прибывшим в академию, вручили кинжал и позволили выйти на улицу. Это были мои первые выходные в Каракасе, которые я в качестве кадета провел с семьей. Мы посетили родственников, остановились в маленьком мотеле и сфотографировались на площади Миранды.

Но я не только чувствовал себя солдатом, в академии я ощутил интерес к занятию политикой.

СТРАСТЬ К ПОЛИТИКЕ

Адан был одним из тех, кто оказал самое большое влияние на мои политические взгляды. Он, мой брат, был членом Левого революционного дви-

жения (Movimiento de Izquierda Revolucionario, MIR. — *Прим. ред.*). Я этого не знал, но мое внимание привлекал только тот факт, что он и его друзья носили длинные волосы, а некоторые — и бороду. Я явно выделялся в их среде с моими очень короткими волосами и военной формой.

Я очень хорошо себя чувствовал в этой группе. Там велось много политических дискуссий, и мы много читали. Там я понемногу заинтересовался социальным вопросом, хотя, когда я смотрю дальше в прошлое, то вижу, что я всегда, с раннего детства, испытывал симпатии к непокорным. Эта зона Сабанеты была зоной восстаний. Из моего поселка многие ушли в партизаны, и мой отец был связан с Избирательным движением народа (Movimiento Electoral del Pueblo, MEP. — *Прим. ред.*) социалистической направленности.

Произошли два события, которые пробудили во мне политическое призывание и сделали мое мышление более радикальным. Первое: я участвовал в образовательном эксперименте вооруженных сил, известном как «План Андреса Бельо». Существует очень большой разрыв между старой и новой военной школой.

Конечно, те, кто поддались апрельскому перевороту 2002 г., окончили академию раньше нас, они стали последними защитниками олигархии, последней царапиной фашизма и антикоммунизма.

Второе событие, связанное с предыдущим, — то, что я открыл для себя наследие Боливара. Я начал жадно читать все, но особенно его собственные работы, связанные с его философией и биографией.

КАК Я ВПЕРВЫЕ УСЛЫШАЛ ФИДЕЛЯ

В 1973 г. мы были в горах недалеко от Каракаса на тренировках с абитуриентами для поступления в кадеты. Чтобы развлечься, мы слушали новости и музыку по военным радиоприемникам. В одну из тех ночей было ужасно холодно. Спрятавшись от офицеров, мы начали крутить один из этих стареньких радиоприемников GRS-9. Внезапно мы услышали чей-то незнакомый голос, который разоблачал государственный переворот в Чили и смерть Альенде: «Хорошо сказано», — заметил я. Это был Фидель, выступавший по радио «Radio Habana Cuba».

Мы навсегда запомнили одну фразу: «Если бы у каждого трудящегося, у каждого рабочего была винтовка в руках, фашистский переворот в Чили не произошел бы». Эти слова настолько поразили нас, что превратились в лозунг, в своего рода шифр, понять который могли только мы.

ОМАР ТОРРИХОС И ХУАН ВЕЛАСКО АЛЬВАРАДО

Свержение Альенде породило во мне и в других парнях большое презрение к военным «гориллам», которые руководили переворотом. Пиночет вызывал у нас отвращение.

У меня завязалась дружба с четырьмя панамцами, которые учились со мной, особенно с Антонио Гомесом Ортегой, ставшим моим большим другом. Он сказал мне: «У Торрихоса действительно народное правительство, оно другое, прогрессивное, а Пиночет — это не тот путь, потому что он находится по другую сторону». Мне было 20 лет, и я уже определил свой путь.

В том же году, в декабре, я познакомился с Хуаном Веласко Альварадо. Исполнялось 150 лет битвы при Аакучо, и в военной академии я целыми

днями говорил о Боливаре. Капитан вызвал меня: «Чавес, мы выбрали 12 человек, чтобы отправиться в Аакучо. Поедут знаменный расчет и еще одна небольшая группа. Поскольку Вы — боливариец, мы выбрали Вас». Вы можете представить себе, как я был рад! В тот вечер я пошел в библиотеку и стал изучать материалы по истории Перу. Там, конечно, была прекрасная библиотечка... но работа — прежде всего.

В Лиме мы провели несколько дней, общаясь с разными людьми, задавая вопросы, обмениваясь мнениями с кадетами из Колумбии, Панамы, Перу и Чили. Нас привезли в дом правительства. Там на приеме в честь офицеров и кадетов был Веласко, который выступил с кратким обращением и подарил нам маленькие книжки «Перуанская национальная революция» и «Манифест революционного правительства Вооруженных сил Перу».

Политическое сознание не появляется автоматически. Безусловно, эти события дали толчок моим убеждениям и привели меня к определенному состоянию духа. И после этого я уже не отступал.

БОЛИВАР

Мой выпуск получил имя Боливара, и с тех пор нас не называли иначе как «боливарицы», и мы чувствовали себя таковыми.

Эта страсть к Боливару зародилась в те годы, когда я изучал военную историю. Когда Карлос Андрес Перес вручил мне саблю выпускника академии, у меня уже был азимут и прекрасно сориентированный компас. Тот Уго Чавес, который поступил туда, был пареньком из горной местности, из района равнин с мечтой стать профессиональным игроком в бейсбол. Четыре года спустя из академии вышел младший лейтенант, который встал на революционный путь. Как сказал Хосе Ортега-и-Гассет: «Это я и мои обстоятельства». Уго Чавес уже был человеком со своими обстоятельствами.

БАТАЛЬОН ПРИБЛИЗИЛСЯ К НАРОДУ

Обычным делом были вызовы на границу. Однако, поскольку моей специальностью была связь, мне не нужно было патрулировать вместе со взводами. Я сопровождал командира батальона на командных постах.

Из-за этой близости, а также потому, что я всерьез играл в бейсбол, командир батальона попросил меня заниматься с солдатами спортом в батальоне. Командир батальона разрешил мне, чтобы команда Баринаса тренировалась на нашем стадионе, и мы дали доступ к нему всем, кто хотел придти.

Мне также поручили писать статьи в колонку ежедневной газеты Баринаса «Эль Эспасьо». Она выходила под заголовком «Патриотическо-культурная программа Седеньо». Мануэль Седеньо был генералом во время нашей борьбы за независимость, так назывался также наш батальон. Это колонка мне очень нравилась, и люди мне говорили, что она очень хорошая; в ней рассказывалось об истории и о единении гражданского населения и военных.

Это был очень интенсивный этап, когда я занимался спортом внутри и за пределами батальона, журналистикой и кампаниями для набора абитуриентов, а когда выбирали королеву красоты в Баринасе, я был ведущим мероприятия. Мне было, чем заняться, я даже стал рекламным агентом лотереи бинго. Но самое главное заключалось в том, что профиль нашего батальона изменился: это уже был не отряд борьбы с партизанским движени-

ем, оторванный от народа, который люди иногда ненавидели, он стал отрядом парней, участвовавших в спортивной и культурной жизни Баринаса.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ НЕПОКОРНОСТИ

Боль вызвала во мне множество ощущений. 1982 г. был годом смерти и годом жизни. Родился мой сын Уго. Я получил звание капитана. Это был также год клятвы у кедра в Гуэре. Я уже был практически закален как военный после того, как испытал много трудностей, сомнений: я хотел уйти, потом не хотел уходить... Как и предсказывала моя бабушка, я был непокорным.

Я вступал в дискуссии с вышестоящими начальниками, я никогда не молчал. У меня были серьезные неприятности в одном лагере по борьбе с партизанами, потому что я видел, как пытали крестьян, предполагаемых партизан, военнопленных. Им наносили удары битой, обернутой плащом, и они издавали ужасные крики. Это были бедняки, полумертвые от голода, очень худые. Я выступил против полковника: «Нет, я не согласен с тем, что здесь происходит», и отнял у него битку, забросив ее подальше. Потом полковник написал на меня рапорт, обвинив в том, что я мешал работе разведки... Я дошел до того, что подумывал уйти в партизаны и даже основал в 1977 г. свою армию — армию освобождения народа Венесуэлы. Сейчас я смеюсь, вспоминая об этом, потому что нас, бойцов этой армии, было меньше десяти.

После окончания академии и моей поездки в Баринас я начал служить в противодиверсионном батальоне сначала в Кумане, а потом в Сан-Матео, в штате Ансоатеги. Мы изучали тактику диверсионной войны, но я уже все подвергал сомнению. Я находился в состоянии серьезного беспокойства, много беседовал с Аданом и другими товарищами из левых организаций. К этому влиянию добавились исторические исследования жизни Майсанта. Все это подпитывало мой повстанческий дух. На этом этапе я начал читать Фиделя, Че, Мао, Плеханова, Самору и такие книги, как «Важные люди» Америко Мартина, «Роль личности в истории», «Что делать?». И, конечно, я уже начал глубоко изучать Боливара.

Кстати, некоторые из этих книг оказались в багажнике старой и изрешеченной пулями автомашины «Мерседес Бенц», которую мы случайно обнаружили на одном посту борьбы с партизанами. Эта машина, скрытая в горах, простояла там неизвестно сколько лет. Я захватил этот трофей, перебрал книги, отдал в переплет, прочел и сохранил. Думаю, что и сейчас у меня остались некоторые из них. Таким образом я стал человеком левых взглядов в возрасте 21 или 22 лет.

— *Как можно определить с политической точки зрения человека, который объявил себя маоистом, приверженцем Че Гевары, марксистом, боливарианцем, перонистом?*

— Я просто революционер.

МЫ БЫ НЕ ПОЗВОЛИЛИ, ЧТОБЫ НАС ПОГЛОТИЛА КОРРУПЦИЯ

С первых дней в Баринасе я стал замечать коррупционные схемы, отсутствие морали и произвол некоторых военных начальников более высоких рангов. Все это формировало чувство сопротивления небрежности и произволу, с которыми я сталкивался в казармах и которые распространялись в жизни военных. Я чувствовал, что ситуация вокруг меня осложнялась, происходили ежедневные конфликты, весьма далекие от боливариан-

ских принципов и ценностей, на которых нас воспитывали. И тогда возник этот неудобный для военной и политической элиты вопрос: «Что это за демократия, которая обогащает меньшинство и обедняет большинство?».

Один из основателей ОПЕК заявил о тревоге по поводу того, что мы утонем «в экскрементах дьявола» — так называли нефть. Кроме того, произошли и многие другие события. Карлос Андрес Перес ушел с поста президента в 1978 г., когда вскрылись факты коррупции, в которых были замешаны он и его любовница. В газетах ежедневно можно было прочесть статьи о коррупционных скандалах и цинизме губернаторов и политиков, обогатившихся за счет народа. Созрело понимание необходимости изменить положение дел, если мы не хотели, чтобы эта обстановка, которую мы презирали, поглотила нас всех.

КЛЯТВА У КЕДРА* В ГУЭРЕ

Я повсюду носился с Боливаром. Читал лекции, воспроизводил его мысли, покупал книги, чтобы подарить их солдатам и офицерам. И у многих должны сохраниться те экземпляры, которые я подписал своей рукой со страстным желанием культивировать идеи Освободителя, Саморы, Майсанта. Я был не единственным, кто это делал, так поступали многие мои товарищи, разделявшие боливарийскую страсть.

Моим начальником в десантном полку был полковник Манрике Манейро. 16 декабря 1982 г., во второй половине дня, он вызвал меня и сказал: «Чавес, я хочу, чтобы завтра мы собрали весь полк, а Вы произнесли несколько слов, чтобы почтить память Боливара».

В Маракае в тот день, 17 декабря, я начал вспоминать о Марти: «Вот так Боливар парит в небе Америки, он следит, нахмурившись... потому что то, что он не сделал, так и не было сделано до сегодняшнего дня». И я связал это с ситуацией того времени: «Как же у Боливара не будет дел в Америке теперь, когда в ней столько бедности, столько нищеты, как это не будет дел у Боливара...». Когда я закончил речь, то немедленно почувствовал огромное напряжение среди офицеров. Построение было закончено, мы разошлись и пошли бок о бок друг с другом. Майор Флорес Гилан приказал нам встать смирно и сказал мне очень резким тоном: «Чавес, похоже, Вы — политик».

В то время назвать кого-то политиком, особенно в казарме, считалось оскорблением. Политика так низко пала. Фелипе Акоста Карлес отреагировал быстрее меня: «Послушайте, майор, капитан Чавес не из тех политиков, о которых Вы говорите. Просто мы, капитаны-боливарийцы, так думаем, и когда кто-нибудь из нас так говорит, Вы писаете в штаны». Вместе с нами вышли капитан Хесус Урданета и лейтенант Рауль Бадуэль.

Было начало третьего дня. Мы пошли в Ла Пласеру, а потом по направлению к кедру. Когда мы подошли к дереву, я предложил произнести клятву. Конечно, мы еще остро чувствовали то, что только что произошло, и внутри нас кипело негодование. Мы воспользовались клятвой Боливара: «Клянусь Богом моих отцов, клянусь ими, клянусь моей честью и клянусь моей родиной, что ни моя рука, ни моя душа не будут знать покоя, пока мы не разорвем цепи, которые нас угнетают по воле испанской власти». Я изменил последнее выражение словами: «...по воле сильных мира сего».

* Священное для венесуэльцев дерево, под сенью которого отдыхал Симон Боливар.

РОЖДЕНИЕ БОЛИВАРИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Я уже ходил на собрания в разные военные движения, такие как движение Трехо, которое никак не могло окончательно сформироваться, и в политические движения, такие как Дугласа Браво. Я всегда настаивал на единстве, и однажды сумел объединить Трехо и Браво в Маракае, до 1982 г., и даже придумал им стихотворные строки: «Майор Трехо, майор Браво, вместе мы сделаем революцию, имеем право!».

Начиная с этого дня, мы поставили перед собой задачу создать движение, пытаясь идеологически обосновать те принципы, которые лучше всего подходили к венесуэльской действительности и, особенно, к той ситуации, в которой мы находились.

Мы поняли, что марксизм входил в противоречие с самой природой профессиональных военных. Было очень трудно открыто соединить Маркса и Ленина с нашей прусской подготовкой. Поэтому мы в полной мере прибегли к боливариюской идеологии, подпитываясь всем остальным. Мы начали исследование. Мы давали группам специальные задания: изучение философии Боливара, Миранды, Саморы, Симона Родригеса...

Так понемногу формировалась разнообразная философия, которая принесла свои первые плоды в конце 80-х годов. Я жил в крайней изоляции и под наблюдением. Я провел три года в саваннах Элорсы, поначалу не понимая, что этот опыт был именно тем, что мне было нужно, чтобы сформировать интегральное видение моей страны.

С ИНДЕЙЦАМИ ЭЛОРСЫ

Я чувствую, что в Элорсе я окончательно открыл самого себя. Там я продолжал идти по следам Майсанты, память о котором была еще свежа у самых старых жителей. Я встретил одну женщину в поселке под названием Флор Амарильо (Желтый цветок), которая указала мне место, где она видела его, когда была девочкой. Много лет спустя, эта старушка плакала от благодарности, упоминая имя Майсанты. Когда я объяснил ей, что я его потомок, она мне ответила: «Хочу сказать Вам, что мы обожали Вашего прадедушку».

Шестьдесят с лишним лет спустя я нашел в тех местах следы битв и надежд Педро Переса Дельгадо, а также индейцев йаруру и куива. Я прошел вместе с ними ужасные и одновременно прекраснейшие испытания. Индейцев преследовали всю жизнь, и я знал об этом, но понял я это именно там, когда служил капитаном на их территории и жил рядом с ними.

Битва на берегу Каньо Карибе, в Апуре, недалеко от границы с Колумбией стала моей первой встречей с индейцами. В эскадрон кавалерии приходили помещики, чтобы жаловаться на индейцев. Я полюбил и до сих пор люблю священника этого поселка Гонсало Гонсалеса. Он сказал мне: «Послушайте, капитан, многие из этих важных господ, у которых есть скот и богатство, 20 лет назад ходили убивать индейцев, будто охотились на оленей. Они уничтожали их, изгоняли с их земель». Он рассказал мне, что они даже сжигали индейцев живьем.

На мой командный пункт поступали жалобы от скотоводов, и я всегда говорил им: «Это не моя проблема, а полиции; поезжайте в поселок и сделайте заявление». Скотоводы начали говорить, что я не сотрудничаю с ними, потому что они привыкли к тому, что армия нападала на индейцев, а я всегда говорил им, что это не входит в мои функции.

Но однажды пришла очень бедная женщина и, плача, сказала: «Индейцы украли у меня двух поросят. У меня была копилка, серебряные монеты». Я расстроился и решил посмотреть, что происходит с индейцами. Я отобрал около 15 солдат и с одним старым следопытом, который служил нам проводником, а раньше был солдатом в войсках Переса Хименеса, мы отправились в путь. Тот старик многому научил меня в этот день. В какой-то момент он сказал мне: «Пахнет индейцем». Он был экспертом в охоте на индейцев. Внезапно он предупредил меня, что индейцы близко. Я увидел их в бинокль. Они сидели под деревом манго и ели фрукты. Я наивно сказал сержанту: «Давайте окружим это дерево». Проводник меня предупредил, что мы не сможем приблизиться к ним. «Я попытаюсь». «Будьте осторожны». Старик храбро пошел со мной. Я дал приказ никому не стрелять без моего распоряжения.

Когда индейцы увидели меня, они быстро соорудили импровизированное укрепление. Будто 20 ударов молний сверкнули из дерева манго. В мгновение ока мужчины бросились в бой со мной. Они вынули свои ножи, и на нас обрушился град стрел. Одна чуть не попала мне в голову. Я выхватил пистолет и выстрелил в воздух. Я приказал солдатам отступить.

Я попытался успокоить солдат: «Здесь никто не стреляет», и индейцы ушли. В этот момент я услышал крик из зарослей. Была середина зимы. Мы вышли на берег — река в это время была полноводной и очень бурной, — и я увидел индейку посреди реки с младенцем на спине. Одной рукой она придерживала ребенка, а другой помогала себе плыть, держа нож. Я никогда в жизни не забуду взгляд той женщины, похожий на гневный удар молнии. Она уходила под воду вместе с ребенком, а потом появлялась снова. Вы знаете, что мне сказал проводник? «Капитан, выстрелите в нее». А он не был плохим человеком. Я удивился: «Как?». «Убейте их, это животные, а этот чертенок, когда вырастет, тоже будет пускать стрелы».

Конечно, я этого не сделал. Я подождал, пока эта женщина в конце концов переплывет реку и встретится со своими соплеменниками. В тот день меня потрясли два момента: первое — реакция индейцев, когда они увидели меня в военной форме, и та фраза «убей их, потому что они животные».

Знаете, что все еще происходит с индейцами? Если тебя видят с ними, говорят: «Там прошли десять индейцев и один человек». Такое можно слышать даже сейчас. И иногда так говорят простые, бедные люди, крестьяне. Я задавал себе вопрос, как можно изменить эту ситуацию, что делать? Это такая драма, дикая и глубоко расистская общественная структура венесуэльского сельского общества.

НАШ АБСОЛЮТНЫЙ ОТКАЗ ОТ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Со времени прихода моего поколения в Национальные вооруженные силы влияние Соединенных Штатов постепенно уменьшалось. В нас росло патриотическое чувство. Например, когда мы пришли в лагерь борьбы с партизанами, там уже не было советников-гринго. Наши офицеры с каждым разом все реже отправлялись на учебу в американские военные академии.

Идеологический процесс, который зрел в казармах, дистанцировался от империализма. Мы изучали Боливара, и логичным следствием этого был абсолютный отказ от имперской идеологии. Конечно, сегодня в Венесуэле как никогда чувствуется слежка со стороны Соединенных Штатов; эта страна всегда была и будет рядом. Однако я думаю, что главная опасность уже позади.

Риск новой американской акции будет существовать всегда. Они никогда не оставят идею захвата, вовлечения людей в борьбу с революцией, поскольку эта революция ясно заявила, что империя — ее главный враг. Но американцы встретят большое сопротивление вооруженных сил. Нельзя недооценивать большую идеологическую и патриотическую силу наших военных.

Я ПОЯВЛЮСЬ С ДОСТОИНСТВОМ

4 февраля 1992 г. меня арестовали через несколько часов после начала восстания. Меня взяли, и через некоторое время я понял, что генералы собираются бомбить ребят в Маракае и Валенсии. Я попросил, чтобы мне разрешили поговорить с моими товарищами в этих местах: «Вам следует избегать массовых убийств; мы уже сложили оружие».

Я даже попросил вертолет, чтобы лететь в Маракай и переговорить с Хесусом Урданетой, который не хотел слышать никаких доводов. Но это решение не одобрили. Тут один из адмиралов сказал: «Чавес, мы можем позвать средства массовой информации, и Вы смогли бы направить обращение о том, чтобы все Ваши люди сдались».

Я согласился, так и сделали. Тогда они хотели, чтобы я написал свое обращение, но я категорически отказался. «Я ничего не буду писать. Я призову сдать. Даю Вам честное слово». Я попросил мой берет, амуницию, потому что вспомнил о Норьега, которого американцы показали сгорбленного, деморализованного. «Я появлюсь с достоинством», — подумал я. И тогда я появился на телевидении и сказал то, что Вы уже знаете.

Потом выяснилось, что до восстания 4 февраля 1992 г. меня пытались убить. Позже, в тюрьме, один из вовлеченных в ту попытку убийства, однажды вечером, когда мы пели под гитару, рассказал мне всю эту историю. И глядя на луну в окно, он сказал: «Командир, у меня на душе есть кое-что, и я хочу рассказать Вам об этом, потому что теперь я действительно Вас знаю. Меня убедили в том, что Вы продали революцию, что Вы разрушаете движение, отдавая его генералам, с которыми Вы договорились. Мне было поручено убить Вас».

АПРЕЛЬ 2002 ГОДА

Что во время переворота вызвало у меня самую большую боль? Без всякого сомнения, смерть невинных людей, которые пали перед этим дворцом, сраженные пулями снайперов-контрреволюционеров... Больно также думать о предателях. Но моя реакция была желанием жить. Я возродился с еще большей жизненной силой.

Карл Маркс говорил, что революции необходим кнут контрреволюции. Удар кнутом болезненный, но он учит, если эта боль превращается в силу.

— *Однако Вы, как святой Франциск Асизский, многое простили.*

— Прощение — это не то слово. На самом деле я их не прощаю. Прощать значило бы оправдать. Нет. Предатели остались там, на другой стороне. Не я их осудил. Их отметила и осудила история. Но там, в Верховном суде, их простили. Это сделали они, а не я. Если бы решение принимал я, они сидели бы в тюрьме.

ОТЕЦ

— *Ваша дочь Мария Габриэла сказала нам недавно: «Я люблю Фиделя, как дедушку, потому что он любит моего отца, как сына».*

— Это правда. Фидель мне, как отец. Я тоже так его воспринимаю, и однажды я даже написал ему об этом. В тюрьме я часто читал книги — «История меня оправдает», «Зерно кукурузы», его речи и интервью... Знаете, о чем я просил Бога в тюрьме? «Господи, я хочу познакомиться с Фиделем, когда я выйду отсюда».

Потом произошла встреча в Гаване. Я не забуду тот контакт, первые часы беседы. По мере того, как шли годы, Фидель становился мне отцом. Так мы видим его, мои дети и я, и даже мой внучек Мануэлито.

В тот день, когда Фидель вошел в домик моей бабушки в Сабанете, ему пришлось нагнуться. Дверца там низенькая, а он — гигант. Я смотрел на него и сказал Адану, будто бы это был сон: «Это похоже на роман Гарсиа Маркеса». Иными словами, через 40 лет после того, как я в первый раз услышал имя Фиделя Кастро, он входил в дом, где мы выросли. Боже мой! Но вместо 500 лет одиночества у нас будет 500 лет дружбы.

Фидель для меня — отец, товарищ, учитель совершенной стратегии.

Я НЕ ПРЕДАМ СВОИ КОРНИ

Я не предаю свое детство бедного ребенка из Сабанеты. Сразу же после похорон бабушки Росы Инес, в январе 1982 г., я поехал в дом Адана и там ночью написал стихотворение, посвященное ей.

Оно получилось сразу. Это было, как клятва.

Может быть, однажды,
Моя дорогая старушка, я приду
К твоему прибежищу,
Высоко подняв руки, радостно,
Я положу на твою могилу большой венок
Зеленых лавровых листьев, это будет моя победа,
Это будет твоя победа, и победа твоего народа,
И победа твоей истории...

Эти строки были и остаются моим обязательством перед ней и перед самим собой. Рядом с Росой Инес я познал смирение, бедность, боль, иногда отсутствие еды, несправедливость этого мира. С ней я научился работать и собирать урожай. Я узнал, что такое солидарность. С ней я познал принципы и ценности простого венесуэльца, из тех, что никогда ничего не имели и которые являются душой моей страны. Я постарался сказать этими строками Росе Инес, что никогда не забуду ее уроки и никогда не предаю наши корни.